

Лидия Ананьева

*Крестьянская
история*

Ли́дия Ана́ньева

Крестьянская история

«ИТРК»

2017

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ананьева Л. И.

Крестьянская история / Л. И. Ананьева — «ИТРК», 2017

ISBN 978-5-88010-467-3

Эта книга рассказывает о тяжёлом труде и несладкой крестьянской доле. Широко известно выражение «Хлеб – всему голова». Автор через свои воспоминания доносит до читателя размышления о судьбе крестьянства в России. По словам автора: «Хлеб – основа жизни, а ухоженное поле пшеницы – поле жизни». Значение хлеба в жизни человека, особенно русского, сложно переоценить. Он помогал выжить. Те, кто вспахал землю, засеял её добрыми семенами и вырастил для нас эти колосья, незримо здесь присутствуют. Богатое хлебное поле – это благо, благо народа, благо страны. Выращивать хлеб – очень трудная работа. Этим людям надо высоко ценить, глубоко уважать и беречь. Сегодня понятие «крестьянство» постепенно уходит в прошлое, подменяется «фермерством». Книга будет интересна людям, увлекающимся живой историей нашей страны, основанной на записях в дневниках, воспоминаниях и фотодокументах эпохи СССР.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-88010-467-3

© Ананьева Л. И., 2017
© ИТРК, 2017

Содержание

Затмение как предчувствие беды	6
Траурный митинг	10
Не Сталин, а Джугашвили!	12
Жизнь в селе в послевоенные годы	16
Учились с огромным желанием	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лидия Ивановна Ананьева

Крестьянская история

© Ананьева Л.И., 2017

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2017

Затмение как предчувствие беды

Село Топчиха, районный центр, расположено в степном, продуваемом всеми ветрами пространстве на юге Западной Сибири. Село не очень большое, без впечатляющей биографии, возникшее как бы принудительно, при строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги. До поры до времени жизнь здесь текла ровно, даже как-то вяло, без громких событий и потрясений. В центре села находилось здание райкома партии, райисполкома, милиция, клуб, аптека и школа-десятилетка.

За десять лет учёбы в школе занятия у нас отменялись всего два раза. Первый раз – в середине февраля 1953 года, когда было солнечное затмение, событие вселенского значения. Я училась в шестом классе. В этот день было только три урока, остальные отменили, и весь школьный народ хлынул на улицу, чтобы наблюдать такое долгожданное, необычное, необъяснимо тревожащее душу явление. Накануне учителя настойчиво объясняли нам, что смотреть на солнечный диск нужно только через тёмное стекло. Стёкол таких в те времена не было, не было даже простой засвеченной фотоплёнки. Во дворе школы быстро стала спонтанно собираться кучками ребятня, на всей пришкольной территории загорелись костерки, жгли старые тетради, паклю, резиновые рваные калоши, какое-то тряпье – у кого что было – и срочно коптели принесённые с собой стекляшки. Получалось не сразу и не так темно, как было нужно, показывали друг другу, советовали, как лучше сделать, усердствовали, обжигали пальчики, дули на руки, но процесс шёл активно – надо было успеть. Потом тишина, все взгляды устремились в одну точку, всё внимание – на солнце. Сначала чёрное пятно задело краешек светила, потом, ширясь, стало наползать глубже и скоро закрыло солнечный диск. Наступила не то чтобы ночь – солнечная корона всё-таки ярко светила неровными оборванными краями, делая густые сумерки жутковато неестественными, студенисто зыбкими, но звёзды на небе были видны. Казалось, что жизнь замерла, всё остановилось. На мгновение душу сжал страх: «Вдруг так всё останется, и солнце больше не будет светить, как светило прежде. Что тогда будет с нами?» Но траурная завеса начала перемещаться на другой край, темнота быстро разжижалась, становилось светлее, день вернулся. От радости, что, слава богу, всё обошлось, а скорее всего оттого, что не надо было возвращаться в класс, горластая публика весело носилась по просторному двору, ребяташки мазали друг друга сажей с закопчённых стёкол, озорные, чумазы, как чертенята.

Солнце светило, казалось, ярче прежнего, радостно и приветливо, как будто и само ликовало по поводу счастливого избавления от окутавшего его мрака. Но в моей голове зацепилась и настойчиво скребла сознание тревожная мысль ожидания беды...

Моя старшая сестра училась в восьмом классе. Знакомство с русской классической литературой началось у них с произведения «Слово о полку Игореве». Вспомнилось, что когда князь Игорь собирался со своей дружиной в поход на половцев, то тоже было солнечное затмение. Считалось, что это плохой знак, но гордый князь пренебрёг столь значимым предостережением и всё равно на битву отправился. Я плохо себе представляла, кто такие половцы, но, поскольку князь решил их усмирить, значит, они враги. Итог сражения был печальный – рать князя разбита, а сам Игорь попал в плен. Ужасное слово «плен» было хорошо знакомо по произведениям советских писателей и кинофильмам о Великой Отечественной войне. Я очень жалела отважного князя, его жену Ярославну. Она, как и наша мама, осталась одна-одиношенька, пела, как и мама, печальные песни, обращаясь к ветру, реке, солнцу с просьбой вернуть супруга, были у них, наверное, дети, они тоже остались без отца, полусиротами, как многие из нас. Думалось, что и со всеми нами должно произойти что-то ужасное, трагическое... Но проходило время, всё шло своим чередом – школа, уроки, подружки, близилась весна-красна,

смутная тревога ожидания неминуемой беды как-то незаметно отступила, и про затмение уже почти не вспоминалось.

И вдруг как гром среди ясного неба.

В Топчихе было три школы: четырёхлетняя, семилетняя и десятилетняя. Моя школа – десятилетка, по тому времени довольно большая. Начали её строить ещё до войны, замышлялось двухэтажное здание. Но успели построить только один этаж, как грянула война. Классы были переполнены – одна средняя школа на весь район. Сидели по трое за партой.

В 1953 году директором школы был осетин из Дзауджикау, звали его Илья Сосланович, но говорили, что его полное имя Иллас Сосланбекович. Ученики определили ему короткую кличку – Сослан. Каким ветром занесло его в наш глухой сибирский край – загадка. Вёл историю, по-русски говорил без акцента. Было ему лет двадцать пять – двадцать семь, среднего роста, с антрацитовым блеском жгучих глаз, густой смолянисто-чёрной шевелюрой, орлиным носом, солидными густыми усами. Нам казалось, что он похож на Сталина. Носил наш директор такой же военный китель, как у Сталина на фотографиях, видимо, и сам старался быть похожим на вождя. Но самым непривычным было то, что ходил он по школе в чувяках, мягких кожаных сапогах, напоминающих чулки. В довершение ко всему обладал зычным басом. Необычность его внешнего вида вызывала у нас, школьников, необъяснимое чувство тревоги и боязни. Жил наш директор в квартире при школе, так тогда было принято. Боялись мы его ужасно! При виде этой грозной фигуры душу сковывал непонятный страх.

В один из дней в начале марта 1953 года на перемене в класс пришла явно расстроенная чем-то наша классная руководительница и отправила нас в коридор на построение. Ни актового, ни физкультурного зала в школе не было, все массовые школьные мероприятия, дружинные пионерские сборы проходили в узком длинном коридоре. Если было комсомольское, общешкольное ученическое или родительское собрание, то из классов выносили столы и скамейки, столы ставили вплотную друг к другу – получалась сцена. Каждый понедельник все школьники обязаны были приходить на уроки за пятнадцать минут до начала занятий для исполнения Государственного Гимна Советского Союза. Каждый класс строился около своей классной комнаты, спокойно, без суеты занимал своё место. Слова Гимна знали все учащиеся, пели дружно, с пафосом, в один голос, без дирижёра, без музыкального сопровождения, но получалось хорошо. (Стыдно смотреть на то, как в Государственной Думе исполняют Государственный Гимн: все стоят, как глухонемые. Ну разве трудно выучить слова и петь под музыку всем вместе? Такое непочтение к нашей государственной символике!)

И в этот раз все молча вышли из класса, заняли свои места – дело привычное. Из своего кабинета медленно, ступая так, как будто ему трудно идти, вышел директор школы. Постоял, помолчал. В воцарившейся гробовой тишине было слышно, как он тяжело дышит носом. После напряжённой затянувшейся паузы объявил:

– Умер Иосиф Виссарионович Сталин.

Голос его дрожал, он плакал. Шок. Невозможно выразить словами чувство потрясения, охватившее всех присутствующих, ведь все мы ничуть не сомневались в том, что Сталин бесспорен. На газетных фотографиях вождь всегда выглядел одинаково: крепкое здоровое лицо без морщин, живая чёрная копна волос, строгий, зоркий взгляд – на дряхлого, больного старца совсем не похож. Смятение наше усиливалось ещё и оттого, что на виду у всех собравшихся плакал директор школы, слёзы катились по его гладко выбритым щекам на усы. Сослан, гроза школы, увидев которого, мы жались к стенке, плачет! Плачет директор, значит, должны плакать все. Его слёзы послужили как бы отмажкой – плакать всем! Поняли. Первые минуты плакали молча. Но дети молча плакать не умеют, такой уж у них склад души, их плач должен слышать весь мир. Кто-то заплакал в голос – заголосили все. Разумеется, слёзы Ильи Сослановича видели не все – те, кто стоял подальше, их не видел. Но сработал эффект толпы. Не плакать боязно, потом поставят в вину: вот, мол, Сталин умер, а она даже не заплакала. Плакали учи-

теля с платочками в руках, ученики, размазывая по щекам слёзы рукавами. Длинный, узкий школьный коридор наполнился протяжным подвыванием и глухими всхлипываниями.

Занятия отменили. После траурной линейки все школьники разошлись по домам печальные, пришибленные огромным свалившимся на нашу страну, а значит, и на каждого из нас горем. Вспомнился князь Игорь и недавнее солнечное затмение – печальное предзнаменование сбылось! Вот она беда, вот она трагедия. Шла я домой по унавуженным деревенским улицам с сиротливыми, безликими, убогими домишками-лачугами, крытыми блёклой соломой, замурованными до крыш серым снегом. Только-только стало пригревать весеннее солнышко, снег ещё не начал активно таять, но уже потемнел от проявившихся пыльных наносов, всё вокруг было тревожно печальным. В голове моей застряла горестная мысль: «Как же мы теперь будем жить без Сталина? Кто о нас теперь будет заботиться, думать о нас?» Вспомнилось, что классный руководитель рассказывал однажды на классном часе, как в Америке относятся к неграм – их линчуют. Моё детское воображение ошеломил его недавний рассказ про то, как в Америке казнят чернокожих жителей. Снимают купол черепа, под ним находится тонкая оболочка, которая закрывает мозг. Палачи-мучители капают на плёнку крепкий раствор соли с интервалом в двадцать минут. Это доставляет человеку дикую боль, он корчится в муках, на лице жуткие гримасы, а истязатели спокойно смотрят, развлекаются, хохочут. Я размышляла, что вот теперь, без Сталина, придут злые американцы и будут так же издеваться над нами. Ужас! И заступиться теперь за нас некому. В отчаянной скорби придя домой, со слезами объявила с порога:

– Бабушка, Сталин умер.

Не знаю, было ли бабушке известно о смерти Сталина, но восприняла она моё горестное сообщение довольно для меня неожиданно:

– Старый был, вот и помёр. Один помёр, другой будя. Нашла об ком горевать. Будя реветь-то!

Такая реакции на моё горестное сообщение меня обескуражила. Директор школы плачет, а бабушка отнеслась к скорбному известию вообще без эмоций. Но я была послушная внучка, плакать перестала, но всё-таки очень хотела поведать ей о том, что теперь нас всех ждёт – об ужасных американцах. Но бабушка слушать не стала, у неё были свои неотложные дела – надо было кормить и поить скотину, чистить стайку¹, вытаскивать навоз, носить воду, сбрасывать с крыши снег, и она ушла.

Я взяла портрет Сталина, во всю страницу журнала «Огонёк», в коричневом исполнении – понятия не имею, откуда он у нас взялся, – силикатным клеем (клей использовался при стирке белья, продавался в больших флаконах) старательно наклеила снимок на кусок суррогатного картона от тарного ящика, рейсфедером аккуратно обвела по периметру чёрной тушью узкую полоску. (Тушь была в продаже разных цветов: чёрная, красная, зелёная, синяя, жёлтая, школьные работы по черчению выполнялись обязательно разными цветами туши.) Поставила портрет на угольник – полочку в переднем углу хаты, ранее, видимо, предназначавшуюся для иконы, теперь здесь лежали наши с сестрой школьные принадлежности. Довольная своей работой, села на старый сундучок для белья – справлять траур, размышляя о нашей несчастной доле, несчастном житье-бытье без Сталина.

В избу вернулась бабушка и присела у камелька² – отогреть озябшие руки и намокшие от снега рукавицы, увидела на угольнике лик вождя, молча подошла, взяла и бросила его на пол со словами:

– На что нужон, смотреть тут на него! Поп он и есть поп! Выставила попа-то!

¹ Стайка – хлев, помещение для домашнего скота.

² Камелёк – небольшая печка, очаг для обогрева жилища.

Так она про себя называла Сталина. Причём, по твёрдому бабушкиному убеждению, попы – первые обманщики. Не знаю, по какой причине у неё сложилось такое о них мнение: может, в своё время попался ей непорядочный поп, или, может быть, жило в ней старообрядческое убеждение, что все попы – обычные приспособленцы, а может быть, всех попов она мерила по семинаристу Сталину. Голос бабушки был раздражительным и резким. Я не могла взять в толк: директор школы плачет, а бабушка бросает портрет на пол. Но директор далеко, а бабушка рядом, и я сообразила, что вести себя следует соответственно обстановке, перестала печалиться, подняла с пола фотографию и положила на стол.

На обед пришла мама со своими вечными заботами – телятся коровы, не у всех всё ладно; скот от голода ослаб, каждая бурёнка нуждается в помощи; коров-первотёлок надо бы поместить отдельно, но нет помещения; получше кормить, но лето было сухое, корма нет; телята от бескормницы рождаются немощные, болезненные, им требуется особое внимание. Идёт опрос свиней, им тоже голодно и холодно, надо как-то спасти приплод. С овцами те же проблемы, начался окот, кошара³ тесная, не доглядишь – хилых беспомощных малышей затопчут. За курами тоже нужен присмотр, иначе от голода расклюют яйца. Рабочих рук не хватает. Скотный двор, свинарник, кошара, птичник в разных концах села. Везде надо успеть, проверить, организовать, принять срочные меры, помочь – пропасть не должно ни одной животины.

Я, конечно, к ней – с новостью о смерти Сталина.

– Ага, умер, – как бы подтвердила она. – Канители теперь много. Надо проводить партсобрание, организовывать траурный митинг.

Мама была секретарём парторганизации колхоза «Комбайн». Увидев образ вождя в чёрной рамке, обрадовалась:

– Я возьму этот снимок, повешу в конторе. Вот как хорошо ты сделала, всё мне меньше хлопот.

Быстро пообедав, ушла вместе с портретом вождя в траурной рамке и со своими вечными, непроходящими колхозными заботами. А я была довольна, что неожиданно помогла маме. Поведение бабушки и мамы поначалу как-то смутило меня: смерть отца народов глубоко их не взволновала и даже как будто не была неожиданной. Теперь я окончательно убедилась, что сильно кручиниться не стоит, забыла про глумления американцев и пошла к подружкам.

³ Кошара – помещение для содержания овец, скота.

Траурный митинг

Мои потрясения и переживания постепенно сошли на нет, и смерть Сталина стала занимать меня только как предстоящее зрелищное мероприятие – в день похорон должен был состояться траурный митинг. В книжках про революцию я читала о маёвках, собраниях, тайных сходках, массовых шествиях, всё это было как бы на другой планете. И вдруг тут у нас, в Топчихе, будет настоящий митинг, пусть хоть и траурный. Ну как не пойти?!

Собрание проходило на площади перед зданием райкома партии. Через дорогу находился железнодорожный вокзал. Время года было какое-то не совсем определённое – уже не зима, но ещё не весна. На моей памяти так много людей в одном месте ещё никогда не собиралось. Вот пришли. Одежда у собравшихся мужчин и женщин (женщин было большинство) не отличалась разнообразием – стёганные фуфайки, потёртые, поношенные, потерявшие от времени цвет и форму. Кто в пимах⁴ с пузырьчатыми, кустарно изготовленными галошами, кто в кирзовых сапогах. На головах у мужчин выгоревшие, выветренные суконные шапки-ушанки бог весть с какой опушкой. Головы женщин покрыты линялыми клетчатыми полушалками, поношенными шальями. Все одинаково одеты, все друг на друга похожи. Задубленные солнцем, ветром и морозом коричневые лица. Даже морщины были у всех одинаковые. Люди стояли, понуриив головы, без разговоров, без эмоций. Серая одноликая толпа. На сучковатых оструганных палочках – лики Сталина, наклеенные на кусок картона варёной картошкой или всё тем же силикатным клеем, в чёрной окантовке и без печальной каймы. Из газет, книг, журналов вырезали фотографии дорогого вождя – недостатка в них не было, все в чёрно-белом исполнении – серые, грустные. (Цветных тогда вообще не печатали.) Безыскусность, однообразие в оформлении ещё более навевали печаль. Никто ведь не готовился к этому скорбному событию заранее, было сказано сделать – сделали, кто как смог. Высокая трибуна, наскоро сколоченная из грубых, вручную свеженапиленных толстых шершавых досок – другого материала не было, – как-то неприлично ярко и дерзко выделялась непорочной свежестью и белизной на фоне блёклой людской массы. На подмостках стояла небольшая группа rispetабельно одетых людей. На них были драповые пальто или полупальто, бушлаты, чёсанки с галошами, бурки из белого фетра, цигейковые шапки. Перед поникшей аудиторией они стояли с царственным достоинством, по очереди говорили речи, клялись от имени всего советского народа продолжать дело Ленина-Сталина. Участники траурного митинга стояли молча, тихо. Было тут много школьников, маленьких детей, они тоже стояли спокойно, понимая важность происходящего. Надо сказать, деревенские дети всегда были хорошо воспитаны, понятливы, послушны, в присутствии взрослых никогда не позволяли себе каких-либо шалостей. Все напряжённо ждали главного момента: паровозы остановившихся на станции поездов должны были гудеть пять минут. Фабрик и заводов в Топчихе не было, была только мельница. Разница с Москвой во времени – четыре часа. В положенное время паровозные гудки протяжным воем надрывно, угрожающе разорвали тишину. Ощущение обвала, катастрофы, надвигающейся беды обрушилось на головы застывших в онемении людей с прискорбным выражением обречённости на угрюмых лицах. Неуютно, сиротливо. Чувство неотвратимой вселенской трагедии усугублялось погодой – на небе свинцовая хмарь, вокруг испитый, печально пепельный снег с чёрными прогалинами – траурными отметинами. Со свирепым свистом стонал в разных тональностях порывистый ветер. Мрачно, жутко, как в преисподней. День был гнетуще тяжёлый, неистовые звуки сирен раздирали душу. Сердце сжималось от шемящего ощущения надвигающейся гибели, казалось, что сию минуту земная твердь разверзнется и наступит конец света. Но вот звуки умолкли.

⁴ Пимы – высокие сапоги из оленьей шкуры шерстью наружу.

Серое, мутное пятно толпы, измученной, изнурённой надрывным, беспощадным, грозящим ввергнуть всех в адскую бездну неземным воем, стало беззвучно, медленно расплываться.

Некоторое время ещё приходили газеты с постпохоронными статьями, фотографиями великого вождя. Потом по радио объявили, в газетах напечатали, что «Дело врачей» прекращено. Народное творчество откликнулось на одно из событий частушкой:

Наш товарищ Берия
вышел из доверия!
Ты, товарищ Маленков,
напинай ему пинков!

Я спела частушку бабушке. Она оценила этот «шедевр» народного творчества критически:

– Если он вышел из доверия, то какой же он товарищ – он, значит, предатель, враг народа.

Не Сталин, а Джугашвили!

Топчиха – самое обычное сибирское село, окружённое бескрайней степью с дивными островками берёзовых колков. Домишки приземистые, подальше от центра вросшие в землю, лачуги, землянки, без водопровода, канализации, с печным отоплением, зимой плотно упакованные снежными наносами так, что торчала наружу только труба. Покрытые гривами пыли в жаркую погоду, вязкой, непролазной грязью в осеннее и весеннее время, неширокие, криво-ватые, заляпанные коровьими лепёшками и усыпанные конскими кругляшками улицы.

Говорят, что название Топчиха произошло от слова «топь». Раньше текла здесь маленькая речушка – Топчишка. Чтобы добраться до неё, нужно было преодолеть гиблое заболоченное пространство – трясину, прыгая с кочки на кочку. В этом беспокойно текущем ручье мы с сестрой ловили пескарей бабушкиным старым платком. Взявшись за углы, вели его против течения, как бредень, затем резко поднимали, соединив концы, и ешь улов. Случалось, что в эту бездонную топь засасывало забредших по недогляду телят. Сейчас речки нет – всё засыпало пылью с поднятой целины, всё высохло. Село возникло в 1915 году при строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги. Был построен вокзал с одноимённым названием, который до сих пор крепко стоит. Для снабжения паровозов водой выкопали большой пруд, возвели водонапорную башню. За состоянием водоёма следила железная дорога. В летнее время рукотворное озеро было главным местом отдыха детей и молодёжи, женщины полоскали бельё, плавали гуси, утки, водились караси, местные рыбаки ставили мордушки, ловили рыбу сетями. С переходом на дизельную тягу потребность в воде у железной дороги отпала, следить за водоёмом стало некому, и со временем превратился он в сточную яму. Эта запруда была не просто накопителем воды, она служила основой дренажной системы прилегающих территорий. Оттока не стало, земля, заботливо окультуренная неутомимыми крестьянскими руками, заболотилась, приусадебные участки заполонила трын-трава, возделывать на них совершенно ничего невозможно – влага сочится даже в очень жаркое лето. И никого из властей это не волнует. Кому она нужна – Топчиха с её бедами? Раньше около каждой избы был огород, цвели маки, рос картофель и масса других овощей, которые люди потребляли сами, кормили ими город. Теперь жуткое зрелище: дома погрязли в сырости, бывшие огороды заросли дикой травой, которая не годится даже на корм скоту. К тому же этот сухостой обостряет опасность пожаров.

Была я пионеркой и комсомолкой. На первомайских и ноябрьских праздниках, на пионерских сборах декламировала стихотворения о товарище Сталине. Я их и теперь помню. В школьных учебниках, начиная с букваря, – портреты Сталина. Была у нас в семье книга в тёмно-коричневом дерматиновом переплёте, называлась «Политическая биография И.В. Сталина», и большая серая книга, напечатанная крупным шрифтом, – «Вопросы ленинизма» И.В. Сталина и обязательно – «История ВКП(б)» под редакцией товарища И.В. Сталина. Мама моя была членом ВКП(б) и каждый год в зимнее время один раз в неделю ходила на политучёбу, где изучали историю ВКП(б) и биографию Сталина. При вступлении в комсомол нужно было обязательно знать жизненный путь товарища Сталина. Ошибиться было нельзя – тогда не примут, а это позор. Во второй раз уже не пытайся – ты себя скомпрометировал. Житие товарища Сталина усердно учили и знали подробно. В книге ничего не было сказано о жене, детях – как будто их у него никогда не было. У Ленина – Крупская, жена, друг, соратник, детей не было, это знали все. Про семейную жизнь Сталина никто ничего не знал, и даже не смей поинтересоваться – бог весть что о тебе подумают. Так и считали – один-одинёшенек. Таким и должен быть вождь-бог, как Иисус Христос – только ученики-соратники.

Как-то мама шёпотом обмолвилась, что у Сталина была жена, но её то ли застрелили, то ли сама застрелилась. Это были исчерпывающие сведения о семье Сталина. После смерти вождя в хрущёвские времена прошёл слух, что у Сталина есть дочь Светлана Аллилуева, живёт

в США и пишет инсинуации, порочащие нашу страну. Есть сын Василий, алкоголик и дебошир, пребывает где-то в тюрьме. В одном из фильмов о Великой Отечественной войне было короткое упоминание о сыне Якове, где Сталин заявил, что он фельдмаршалов на солдат не меняет. Было очень жаль солдата Якова. Прошёл слух о детях Сталина, всколыхнул на время интерес к личной жизни генералиссимуса, но он как-то угас, забылся. В газетах о семье, о детях Сталина не писали. Журналов никто не выписывал: во-первых, лимит, во-вторых, дорого. На скудные колхозные трудодни возможность что-либо выписать была минимальная.

Радио нам провели весной 1950 года. За радиоточку надо было платить три рубля в месяц. Такие деньги были не у всех, а точнее сказать, не у многих. Но наша семья всегда выписывала краевую газету «Алтайская правда» и районную газету «Ленинское дело». В каждом номере газеты – портреты Сталина, потом Н.С. Хрущёва. С Хрущёвым появилась Нина Петровна. Все знали, что у Хрущёва есть зять по фамилии Аджубей, значит, была и дочь, имя которой неизвестно. (Была такая рифмовка: «Не имей сто рублей, а женись, как Аджубей».) Что есть ещё два сына, узнали позже. О сыне Сергее стало известно, что он живёт в Америке, когда наше телевидение показало очень довольных и счастливых Сергея Никитовича Хрущёва и его жену, после того как они успешно сдали тесты по английскому языку (причём жена сдала тест успешнее) и получили статус натурализованных американцев, а не каких-нибудь переселенцев с «видом на жительство». Прошла молва, что у Н.С. Хрущёва был ещё один сын, Леонид, предатель Родины, перебежавший к немцам в начале войны. Вот такие наследники у наших вождей. (Как говорили в народе: «Пёс во пса, сын в отца».)

Сталин был везде один. На первой полосе газеты, в центре, с волевым лицом, с плотной копной волос на голове, солидными усами и взглядом пророка: он всё видит, всё знает, думает о нас всех. Портреты Сталина во всех учреждениях, в печатных изданиях – лицо строгое, надёжное. Его имя – по радио с утра до вечера. С этим мы росли, это был наш повседневный быт. Хрущёва рисовали молодым и бодрым, и Брежнева, и Черненко, и Горбачёва, и Ельцина. Если великий, то должен быть обязательно красивым. Это синдром всех наших вождей. Крепкий и здоровый Ельцин на портретах заметно отличался от Ельцина на экранах телевизора, даже говорить членораздельно не всегда получалось. А как трудно и стыдно было слушать! Но – вождь! Ведь знал же, какой он есть, неужели его самого это не смущало? Перед выборами клятвенно заверял народ с экранов телевизора, что у него проблем со здоровьем нет, а через три месяца – операция на сердце. Самому ему за своё враньё стыдно не было, жителям нашей страны было стыдно.

Я училась в девятом классе, был февраль 1956 года, когда по радио передали доклад Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущёва на XX съезде теперь уже КПСС «О культе личности и преодолении его последствий». Мама с бабушкой жили в десяти километрах от Топчихи, в посёлке Труд. Колхоз «Комбайн», где раньше работала мама, присоединили в качестве бригады к другому колхозу, в зоотехнике теперь там не нуждались, пришлось поменять место жительства. В Труде была школа-семилетка. Я квартировала в Топчихе в молодой крестьянской семье: хозяин – тракторист, двадцать четыре года, его жене восемнадцать лет, не работала, семимесячный ребёнок. Радио у них не было, газеты не выписывали. Вечером к хозяйке зашла соседка тётя Груня, пожилая женщина, чтобы поделиться новостью, и с порога объявила:

– Сталин-то, оказывается, не Сталин – Джугашвили он!

Сказала она это с сарказмом и издёвкой, и этим всё объяснилось. С именем Сталина связаны были определённые понятия: вождь, гений, отец народов и так далее – скорее бог, нежели человек. Джугашвили – обыкновенная грузинская фамилия. То есть был он, Сталин, не тем, за кого себя выдавал. Кстати сказать, в нашем большом селе кроме упомянутого директора школы, который к этому времени уже куда-то исчез, кавказцев вообще не было. Были украинцы, немцы, татары, была еврейская семья – семья аптекаря, грузин не было. Стало быть, не

вождь, не гений, а обыкновенный мужик, к тому же совершенно чужой человек. Более краткого и ёмкого вывода, сделанного тётёй Груней, я больше не встречала. Меня всегда удивляло и до сих пор удивляет, почему дети Сталина носили фамилию Сталины – это ведь не фамилия, это кличка. То есть чтобы все знали, чья она дочь, чей он сын? Рядом со словом «Ленин» в скобках всегда стояло «Ульянов». Рядом со словом «Сталин» нигде никогда не стояло слово «Джугашвили». Только старший сын, Яков, имел фамилию Джугашвили. Что же они пренебрегли своей родовой фамилией? Стеснялись? Чем же она им не нравилась? Может быть, потому, что фамилия чисто грузинская? А они не хотели быть грузинами? Как-то непонятно и неприятно. На фотографиях Сталин в кителе, шинели, фуражке. Так скромно одет. Известно, встречают по одежке, и Сталин, конечно, это использовал. Смотрите, мол, как просто и скромно одет, так, мол, и живу. Так все и думали, и искренне сочувствовали, что вождь всё в шинели да в кителе. Хоть бы костюм купил, но, видимо, не хочет тратить на себя лишние деньги. Такой бережливый. А потом узнали и были ошеломлены. Почти два десятка дач! Как поясняет в своих воспоминаниях дочь Сталина, Светлана Аллилуева, что «Формула "Сталин в Кремле" выдумана неизвестно кем и означает только то, что его кабинет, его работа находились в Кремле, в здании Президиума ЦК и Совета Министров»⁵. Сколько прислуги-обслуги! «Сразу же колоссально вырос сам штат обслуживающего персонала, или "обслуги" (как его называли, в отличие от прежней, "буржуазной", прислуги). Появились на каждой даче коменданты, штат охраны (со своим особым начальником), два повара, чтобы сменяли один другого и работали ежедневно, двойной штат подавальщиц, уборщиц – тоже для смены»⁶. «Ну а уж если "выезжали" из Ближней и направлялись целым поездом автомашин к Липкам, там начиналось полное смятение всех – от постового у ворот до повара, от подавальщицы до коменданта. Все ждали этого, как страшного суда...»⁷ «Это уж чисто кавказская манера: многочасовые застолья, где не только пьют или едят, а просто решают тут же, над тарелками, все дела – обсуждают, судят, спорят»⁸. Летнее время проводили в Сочи, где специально было построено несколько дач для отца-Сталина.

После доклада Хрущёва народ забурлил. Всегда молчаливые, послушные, безропотные люди вдруг осмелели. Обсуждали то, что прочитали, услышали. Пытались разобраться, понять, осмыслить: что произошло? В голове не укладывалось – как такое могло случиться? Как партия большевиков – ум, честь и совесть нашей эпохи – позволила такому произойти? Радио передавало доклад Хрущёва, по коже бегали мурашки. Как же нас долго обманывали! За кого нас принимали? Но утешала мысль: теперь-то уж узнали всё, теперь наше мудрое руководство во всём разберётся, исправит допущенные ошибки, промахи. Дальше всё пойдёт прекрасно, и никто больше не помешает нам быстро прийти до светлого будущего. Низвергали памятники Сталину, полагая, что вместе с памятниками исчезнет несправедливость, безысходность, накопившееся зло.

В это время я пережила второе потрясение. Было ужасно обидно и стыдно за такой грандиозно организованный лживый спектакль с похоронами. «Как же так, – думала я (и не только я), – вся страна оплакивала его смерть. С какими почестями хоронили. Они там, наверху, знали ведь, какое это чудовище. Зачем же организовали такие помпезные похороны? Неужели им теперь не стыдно перед всем народом?» При воспоминании о столь масштабно организованном обмане с паровозными гудками у меня возникло чувство, что над нами, над всеми жителями нашей такой большой страны, публично поглумились. И стыдно было за те детские слёзы. Так

⁵ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. – Иркутск, 1992. – С. 23.

⁶ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. – Иркутск, 1992. – С. 102.

⁷ Там же. – С. 105.

⁸ Там же. – С. 31.

что в той среде, где жила я, смерть Сталина была воспринята совсем иначе, чем в его окружении.

Дочь Сталина, Светлана, вспоминала: «Но искренние слёзы были в те дни у многих – я видела там в слезах и К.Е. Ворошилова, и Л.М. Кагановича, и Г.М. Маленкова, и Н.А. Булганина, и Н.С. Хрущёва»⁹. «Повара, шофёры, дежурные диспетчеры из охраны, подавальщицы, садовники – все они тихо входили, подходили молча к постели, и все плакали. Утирали слёзы, как дети, руками, рукавами, платками. Многие плакали навзрыд, и сестра давала им валерьянку, сама плача»¹⁰. Это совершенно понятно: им было что терять. Они кормились около Сталина, были под его защитой. Подавальщица жила лучше, чем директор школы. Они оплакивали свою судьбу, завтра им предстоит всё поменять, ушла сытая, спокойная жизнь, их место займут другие. Для них, других, смерть Сталина – удача. Плакал Хрущёв, а через три года низверг Сталина. Может быть, это были слёзы радости? Все подавальщицы, повара, шофёры – это ещё не народ.

Народ в это время был далеко от того места, где умер Сталин. Те люди, которых видела я, по поводу смерти вождя не сокрушались, не было ни слёз печали, ни слёз радости. Все как-то молчаливо напряглись в ожидании перемен: к худу или к добру? Вообще ни о чём не говорили: о плохом говорить боялись, хорошего было мало. Самым хорошим было то, что войну выстояли, но какой ценой! Эту победу, это горькое счастье берегли в себе, старались не расплескать. Проголосовать за верность идеям великого Сталина – единогласно. Сходить на собрание – а куда ещё идти? Попробуй не пойдешь – станешь врагом народа.

⁹ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. – Иркутск, 1992. – С. 15.

¹⁰ Там же. – С. 15.

Жизнь в селе в послевоенные годы

Что оставил после себя покойник для жителей села? Нудная, грязная, тяжёлая, изнурительная работа с ненормированным рабочим временем. Серые, унылые будни без выходных, без праздников – у скотины праздников нет, её надо кормить, поить, ухаживать за ней каждый день. Неустроенный, убогий быт-прозябание, слова «комфорт» даже не знали. Какой там комфорт – даже уборную не из чего было построить. Лепили из глины, смешанной с соломой. Зимой её заметало, замораживало, нужду справляли за сугробом снега. Пока отсидишь на стуже положенное время, так застынешь, что потом ещё долго остаётся жгучее ощущение холода. А уж если совсем лютый мороз да ещё с диким ветром, то справляли нужду в пристройке для скота и тут же лопатой выбрасывали содержимое на улицу на кучу навоза.

Слова «мебель» тоже не знали, не было такого понятия в крестьянском лексиконе. Были самодельные столы, табуретки, лавки. Всё покупалось на базаре у какого-нибудь умельца. Не было такой фабрики, которая бы изготавливала лавки и табуретки. Мои учебники и тетради лежали в тарном ящике из-под хозяйственного мыла. Ящик был сделан из грубых, шершавых досок, стянутых ржавой проволокой. От тетрадок и книжек исходил стойкий запах хозяйственного мыла. Но как-то прочитала, что, когда В.И. Ленин и Н.К. Крупская жили в эмиграции в Швейцарии на съёмной квартире, вся их мебель состояла из тарных ящиков. Это утешило. Забота о хлебе насущном, о семье, детях, скоте сегодня и завтра. Многие семьи без мужчин – война забрала. Какие уж тут слёзы по покойнику? Прискорбно об этом писать, но ведь это так и было. Избёнки-лачуги, вросшие в землю, крытые соломой, обложенные скирдами кизяков¹¹. Рядом с хатой – обязательно гора навоза. Весной, осенью, летом в сырую погоду на дорогах непролазная грязь. Транспорт только гужевой. Грузовая машина – редкость, легковых машин не было вообще. На весь район одна больница, одна амбулатория, одна десятилетняя школа. В начальной школе учились бесплатно, обучение в средней школе было платным. Зимы в Сибири длинные, студёные, с длинными тёмными ночами, отапливалась школа дровами, которых не всегда хватало. В классах было холодно, сидели одетыми в пальто, фуфайках, пимах, порою даже в рукавицах. Рукава на локтях быстро пронашивались на прорехи накладывали заплаты. Так и ходили, это было нормально. Чтобы чернила не замерзали, чернильницу держали в левой руке, правой рукой писали, периодически дуя на неё для согрева. Электричества не было. В центре класса висела двадцатилинейная керосиновая лампа (одна на весь класс) с плоским абажуром из жести, окрашенным в белый цвет. Тем, кто сидел под лампой, было и светлее, и теплее. На задних партах царил полумрак. Примитивный источник света, конечно, коптил. Но на это никто не обращал внимания. Класс даже не проветривался, форточек не было, и так не жарко. В каждом классе было по сорок и более учащихся, и все они дышали. В таких условиях мы учились. И ведь хорошо учились! Никто не жаловался, считалось, что так живут, так учатся во всём мире. Начиная с восьмого класса учащиеся весь сентябрь должны были работать в колхозе, на уборке урожая. Зимой школьники не работали – учились.

Но учились не все. Окончив пятый, шестой класс, а то и после четвёртого школу бросали, так как материальное положение семьи было очень трудным, иногда настолько безысходным, что слово «трудное» его не объясняет. Многие дети не посещали школу по той простой причине, что ходить в школу было не в чем – не было ни обуви, ни одежды. Это считалось уважительной причиной. Чуть повзрослев, шли работать в колхоз: мальчишки – в пастухи, на работу в бригаду, девочки – на ферму, на полевые работы, в доярки. Доярками работали девчата в возрасте от четырнадцати лет. За каждой работницей закреплялось по двенадцать коров. Кто придумал эту норму, какой негодяй? Чтобы знать, что это такое, надо хоть один раз попробо-

¹¹ Кизяк – высушенный или переработанный навоз, используется в качестве топлива.

вать подоить корову руками. Доить можно двумя способами – щипком и кулаком. Слабодойных коров доили щипком. Пальцы, большой, указательный и средний, обхватывали щипком сосок у основания, плотно сжимая и одновременно вытягивая его, рука двигалась вниз, молоко струйкой вытекало в подойник. Тугодойных коров таким способом хорошо не выдоишь, их доили, сложив пальцы рук в кулак. Так же плотно обхватив сосок кулачком у основания, не ослабевая напора, надо вести руку вниз, сжимая и вытягивая сосок. Доить надо в хорошем темпе, напористо, ритмично и обязательно доводить щипок или кулачок до края соска, тогда струйка молока будет упругая, пенистая. Мне приходилось проделывать эту процедуру, когда прихварывала бабушка. Была наша Зорюшка с характером, уже после нескольких движений от усилий и напряжения руки немели, сбивались с ритма, пальцы начинала сводить судорога, молоко стекало по локтям на землю, приходилось тщательно вытирать руки и начинать всё сначала. Придя с работы поздно вечером, мама обязательно проверяла мою работу, у меня всегда был брак. Кстати сказать, коровы – большие привереды, они знают свою хозяйку, часто не доверяют чужому человеку своё «сокровище», «зажимают», не отдают молоко, поэтому требуются усилия, чтобы выцедить весь удой. Доярка идёт к своей подопечной со скамеечкой и двумя ведрами – одно для молока, другое ведро, по возможности, с тёплой водой. Приласкав свою Красулю или Берёзку, моет и чистой тряпицей протирает вымя, садится на лавочку «под корову», аккуратно выдавливает первые капли на ладони, делает лёгкий массаж вымени, массирует руки, молоком же смазывает соски, при необходимости эта процедура повторяется несколько раз – как пойдёт молоко, после окончания доения надо снова сделать лёгкий массаж, вытереть и погладить вымя. Вставали девочки рано, к шести часам нужно быть на ферме. Мама обязательно приходила на каждую дойку. Юных доильщиц было жалко, она брала подойник и садилась буквально вытягивать молоко из самой трудной коровы. Так, пока каждая из девчат выдаивала свою норму, мама иногда успевала выпростать каждой по корове. Потом ещё надо было выборочно проверить, как справились с работой девчата, хорошо ли опорожнили своих подопечных. Халтурить нельзя: если в вымени осталось молоко, животному грозит мастит, а это беда. После дойки надо было помыть ведра, молокомеры, фляги для следующего доения. Воду грели в котле подсобки до тёплого состояния – сэкономили топливо. Доярки сами грузили фляги с молоком в брички. Случалось, что скотник не приходил, тогда надо было вычистить от навоза хлев, раздать своим подопечным корм – сено, силос (этот концентрат, кстати, сырой и очень тяжёлый), напоить животных (воду привозили в бочке и носили ведрами). Обессиленные труженицы фермы делали непосильную работу со слезами и руганью. Вечером всё повторялось.

В городе Белгороде поставлен памятник челнокам: юноша и девушка тянут на тележках большие тюки: вот, мол, они спасли страну. Памятника юной советской доярке нет. Её работу не видел, видимо, ни один художник, чтобы отразить сей тяжёлый труд в произведении искусства. Художники в таких местах не бывают. Но памятник алкоголику в столице нашей Родины есть.

Учились с огромным желанием

Из близлежащих сёл, что в пяти-семи километрах от Топчихи, осенью и весной ученики старших классов ходили в школу пешком. Каждый день туда и обратно шесть раз в неделю. Зимой вынуждены были жить на квартирах, так как мерить километры через степь было невозможно: дули неумные бураны, дорогу переметало, заламывали холода до сорока градусов мороза. Каждую зиму случались людские трагедии. Кто-то поехал на лошади в поле за сеном или за соломой, кто-то шёл из одной деревни в другую, был застигнут бураном, да так и остался в поле. Плата за постой была натуральной – продуктами. Приходилось отказывать в чём-то семье: мы уж тут как-нибудь, а ты учись. Учились с огромным желанием. Какие тогда были умные, целеустремлённые ученики! А какие были замечательные учителя! Как великолепно они учили! Как много знали! Как искренне хотели всех научить!

Учитель географии и астрономии, Михаил Александрович Панфилов, в ясную, морозную ночь приглашал учащихся старших классов на уроки астрономии в десять-одиннадцать часов вечера. На чистом звёздном небе показывал звёзды и созвездия: Млечный Путь, Андромеду, Кассиопею, Большую и Малую Медведицу, Полярную звезду. Тут же, на морозе, увлекательно о них рассказывал. Учил ориентироваться по Полярной звезде, если вдруг случится заблудиться. На эти ночные уроки приходили все. Знал он и про Тунгусский метеорит, и про Бермудский треугольник, и ещё много интересного. Михаил Александрович прошёл всю войну, был контужен, мог сорваться на грубость, но на него не обижались, его всё равно любили. Учитель математики, Куприян Иванович Тибекин, был строгий, требовательный, сделал планшет, заполнил его воском (пластилина тогда не было), изготовил из толстой проволоки стержни и использовал это как наглядное пособие, чтобы дети лучше постигли премудрости планиметрии. Учитель литературы, Никита Григорьевич Цысь, читал наизусть отрывки из «Слова о полку Игореве» на языке оригинала – старославянском. И не просто читал, как читают стихи, а мелодично, нараспев, растягивая слова и фразы. Мы сидели, околдованные, погружившись в таинственно-сказочный мир наших далёких предков. Учитель немецкого языка, Евгений Николаевич Миллер, руководил драматическими кружками – ученическим и учительским. Учителя школы ставили спектакли для населения по пьесам Н.В. Гоголя и А.П. Чехова на сцене районного Дома культуры. Это была настоящая интеллигенция, просветители. На школьных вечерах Евгений Николаевич садился на стул в углу коридора и весь вечер играл на баяне вальсы и танго. Мы танцевали, наши учителя танцевали вместе с нами. Учитель физкультуры, Леонид Фёдорович Сапрыкин, на уроках физкультуры учил нас танцевать вальс. А где бы ещё мы этому научились? Не было у нас ни художественной, ни музыкальной, ни спортивной школ. Считалось, что такие учреждения в сельской местности – излишество. Зачем это сельским детям? Обойдутся, у них есть лопаты, вилы, грабли. К любому учителю можно было подойти до уроков, после уроков, на перемене и попросить объяснить непонятное. Учитель объяснял так, как будто он только тебя и ждал: терпеливо, внятно, спокойно.

Были пионерская и комсомольская организации. Комсомольцы старших классов шефствовали над младшеклассниками. В каждом пионерском классе был вожатый из числа старшеклассников – это было комсомольское поручение. Вожатые помогали классным руководителям организовывать досуг детей, праздничные мероприятия, оказывали своим подопечным помощь в учёбе. Была и я отрядной вожатой. К этому поручению относилась очень ответственно, проводила с детьми много времени. Участвовали мои пионеры во всех школьных праздниках, спортивных соревнованиях, сдавали нормы БГТО («Будь готов к труду и обороне!»).

По весне, когда снег с полей сходил, а лужи ещё оставались, всем отрядом ходили далеко в степь «выливать» сусликов. Находили норку зверька, двое удальцов садились на корточках

у входа в подземное жилище обитателя, остальные участники акции носили вёдрами воду из ближайшего водоёма, по очереди аккуратно цедили её в отверстие в земле. Через некоторое время из ямки осторожно высовывалась мокрая удивлённая головка местного степного аборигена, и он тут же попадал в ловкие руки юных охотников. Таков был тогда широко распространённый метод борьбы с вредителями-грызунами за будущий урожай. Конечно, гомон, крик, визг! Шкурки сусликов сдавали в приёмный пункт, за них платили какие-то небольшие деньги. Отловом сусликов занимались и взрослые, но они добывали зверьков капканами – таков был местный охотничий промысел. Мясо этих грызунов употребляли в пищу, вытопленный жир использовали как эффективное лекарственное средство при туберкулёзе, его можно было купить на базаре. Младшеклассники относились к своим вожатым уважительно, встречали всегда с искренней радостью: «Наша Лида пришла!» Какое было красивое название – «пионеры»! Пионер – значит первый! Теперь оно забыто, вычеркнуто из нашей истории, его усиленно пытаются заменить трудновоспринимаемым словом «бойскаут» – но это же совсем не то! (На слух слово «бой» – это вроде как война, а «скаут» похожее на «скот» – понятия несовместимые и вызывают отторжение.) В нашем родном русском языке это слово-пришелец никак прижиться не хочет, но СМИ его усиленно впикивают. А «комсомол» – звонкое, призывное, объединяющее слово! Были мы комсомольцы-добровольцы. Теперь всё заменили словом «волонтёр», изгнано из языка наше родное, такое гордое, ёмкое и понятное слово «доброволец».

Навсегда осталось в памяти, как мои пионеры-шестиклассники приветствовали комсомольцев в районном Доме культуры по случаю тридцать седьмой годовщины образования ВЛКСМ (Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи). С каким воодушевлением готовились мы к этому торжественному дню! В зал вошли колонной под залиvistые звуки горна и раскатистую дробь барабана. Впереди знаменосец – лучший ученик, отличник учёбы, за ним два ассистента. Мальчики в белых рубашках, девочки в белых кофточках, все в красных галстуках. На сцене дружным пионерским салютом приветствовали сидящих в зале комсомольцев района. Звенящими задорными голосами, живо и интересно, стихами рассказали о пройденном пути, о заслугах комсомола, обо всех его орденах. Виновники торжества ответили на приветствие бурными аплодисментами. Художественную часть готовили старшеклассники. Это был праздник!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.